

— Здоровье А-Цы гарантировано, ни одной прививки не пропущено. Раньше она была бездомной кошкой, её бросали, и дети, жившие неподалёку, даже закидывали её камнями, поэтому она очень осторожна. Я забыл заранее тебя предупредить.

Под холодным белым светом лицо Гу Цичи казалось прозрачным и фарфорово-белым, в его янтарных глазах читалось раскаяние.

— Она только попала в незнакомую обстановку, возможно, ещё не адаптировалась, и поцарапала тебя не специально. Если это доставит тебе неудобства, отправь её обратно к моему агенту Вэнь Си, А-Цы с ней хотя бы знакома...

— Гу Цичи... — вдруг произнёс Бо Юй.

Голос был низким, тон ровным, не понять, радость это или гнев.

Гу Цичи замолчал, взглянул на мужчину в объективе, не зная, что тот задумал.

— Это не твоя вина, не нужно передо мной извиняться. — Бо Юй аккуратно поставил А-Цы на пол, затем медленно выпрямился, с серьёзным выражением лица, медленно, слово за словом произнёс:

— Впредь, что бы ты ни делал, тебе не нужно будет передо мной извиняться. Тебе достаточно делать то, что ты хочешь.

Гу Цичи закрыл, а затем снова открыл глаза, очень тихо произнёс «хм», словно звук вырвался у него из горла.

Он невольно вспомнил один пункт, который Бо Юй включил в брачный контракт.

[В течение действия договора Бо Юй будет нести ответственность за личную безопасность господина Гу Цичи и всеми силами защищать личные интересы господина Гу Цичи.]

На самом деле, в том договоре было много не совсем разумных мест. Например, в некоторых местах было написано «Корпорация Бо», а в таких местах, как это, было написано «Бо Юй».

Брачный контракт наверняка был тщательно составлен Бо Юем лично, вряд ли в нём могли быть такие ошибки, как пропущенные или неправильно написанные иероглифы.

Гу Цичи был умным человеком и, естественно, с первого взгляда увидел разницу между этими двумя словами, но не стал спрашивать. Иногда слишком много знать — не к добру.

Тем более, Бо Юй лично обещал ему, что ничего с ним не сделает и не попытается что-либо от него получить.

Гу Цичи потёр край одежды, опустил ресницы, губы сжались в прямую линию. Он не сдержался и спросил:

— Почему?

Его голос заметно дрогнул, в нём слышалась собственная, не осознаваемая им растерянность.

Он не верил, что в мире найдётся человек, который будет хорошо к нему относиться без всякой причины.

Гу Чэнтянь ненавидел его, потому что оклеветанный Гу Цичи окончательно превратился в бесполезную пешку, не представлявшую для него никакой ценности. Гэн Тинсюнь не любила его, потому что Гу Цичи был грубым и неотёсанным, не только не мог принести ей славы, но и раз за разом ронял её лицо. Гу Юаньань не любил его, потому что он не умел быть таким послушным и милым, как Гу Юйнин, умеющим угождать и подлизываться, а был жёстким, как ёж, и неприступным. Гу Юйнин ненавидел его, завидовал ему, потому что само существование Гу Цичи было для него миной замедленного действия: пока тот не умрёт, он никогда не сможет спать спокойно.

Даже Вэнь Си, которая всегда хорошо к нему относилась, вначале ценила его лишь потому, что лицо Гу Цичи могло приносить ей деньги.

Когда Гу Цичи был заточён в теле оригинала, вынужденный принимать всю эту несправедливость, он часто думал: он человек или товар с ценником?

Ведь только товар имеет ценность, но товар не выбрасывают на помойку, как его.

С самого начала, когда Бо Юй приблизился к нему, Гу Цичи сопротивлялся. Он считал само собой разумеющимся, что Бо Юй хочет чего-то от него, но Бо Юй ничего не хотел. Мало того, он ещё использовал статус Корпорации Бо, чтобы оказать давление на семью Гу, и через брак по расчёту попытался вытащить его из той огненной ямы.

Гу Цичи повидал множество разных людей, они алкали его кожи, хотели запятнать его душу, заточить в клетку, ограничить клочком земли, сделать навсегда канарейкой с подрезанными крыльями.

Какие грязные, низкие мысли могут скрываться в том брачном контракте, Гу Цичи перед приездом в отель, перед встречей с Бо Юем, перебрал все возможные варианты, иначе бы не взял с собой электрошокер на свидание.

Но он оказался слишком чистым. Тот контракт, кроме как защищать его, укрывать под крылом Бо Юя, не выдвигал никаких условий и не требовал от него никакой платы.

Словно Бо Юй, сдерживая свои звериные инстинкты, обуздывая желание разорвать и проглотить его целиком, преподнёс Гу Цичи своё чистое сердце.

Горло Гу Цичи пересохло, ресницы слегка задрожали, он ждал ответа Бо Юя.

В резиденции Бо стояла гробовая тишина, никто никогда не осмеливался по собственной инициативе приблизиться к Бо Юю, слышен был только звук того, как А-Цы трётся о его брюки.

Свет был тусклым, Бо Юй опустил глаза, пёстрые тени колыхались, призрачно ложась на его чётко очерченный профиль. Его взгляд упал на слегка дрожащие длинные ресницы юноши, затем переместился на его глаза, наполненные будто водяной дымкой, кадык слегка сдвинулся.

— Потому что ты — Гу Цичи, поэтому тебе достаточно быть Гу Цичи. Если ты захочешь что-то сделать, то это дело будет правильным, не нужно ни перед кем извиняться, особенно передо мной. Потому что моё существование — чтобы защищать тебя.

— Даже если ты ошибешься, я буду считать, что ты прав.

Рана на руке не болела, это была всего лишь небольшая царапина.

Гу Цичи был очень похож на свою кошку, неизвестно, через что он прошёл, ко всему относился с каким-то апатичным равнодушием, был чувствительным, бдительным, ко всем людям и вещам, приближавшимся к нему, испытывал высокую степень настороженности, но при этом жаждал тепла, жаждал любви, надеялся найти свой собственный дом.

Когда Бо Юй протягивал руку, Гу Цичи, как и А-Цы, напускал на себя грозный вид, выставляя когти, пытаясь силой отгородиться от его приближения. А поцарапав, в сердце возникало чувство вины, и он украдкой выглядывал из угла, наблюдая за реакцией Бо Юя.

Когти А-Цы вонзились в руку, а когти Гу Цичи вонзились в сердце.

Неглубоко, но оставили неизгладимый след.

Напряжённое тело Гу Цичи внезапно расслабилось, мягкая хлопковая ткань была крепко сжата его рукой, а когда он медленно разжал пальцы, она превратилась в мятый комочек.

Даже если он ошибался, тот считал его правым.

Эти слова звучали крайне нелогично, словно Бо Юй был тем самым опьянённым красавицей глупым правителем, который мог назвать оленя лошадью.

При этой мысли уголки губ Гу Цичи слегка приподнялись, в улыбке, глаза-персиковые цветы очертили форму полумесяца, слегка приподнялись вверх, под глазами припухли «мешки», словно золотой янтарь и первый снег растаяли, чистые и тёплые.

Голос Бо Юя был низким и хриплым, с магнетизмом, что для любителей голосов было огромным бонусом. Гу Цичи забыл, о чём в итоге они говорили, он, как и несколько дней назад, под тихие, ласковые уговоры Бо Юя уснул.

Заповедник был окружён горами, сплошь изумрудной зеленью. Ночью полная луна висела на ветвях деревьев, звёзды сверкали, ночной ветерок был тёплым и ласковым, сопровождаясь слабым стрекотом цикад. Гу Цичи сладко спал в этой тишине.

—

Последние несколько дней прошли необычайно спокойно, поэтому, увидев внезапно появившегося на съёмочной площадке Сун Чжианя, лицо Гу Цичи на мгновение застыло.

Только ушёл главный герой-«принимающий» Гу Юйнин, как прислали главного героя-«атакующего» Сун Чжианя, не иначе как какая-то злая судьба.

Линь Шуанъи, объяснявший Сун Чжианю сцену, увидев Гу Цичи, глаза у него заблестели, он поманил его рукой, чтобы тот подошёл.

Гу Цичи, не в силах ничего поделать, подошёл к нему, но на лице его, как всегда, читалась холодность.

Сегодня на нём был красный халат с вышитыми драконами, который носил Шэнь Цинъе, будучи предателем. Ворот и манжеты были оторочены серебряными нитями с вышитыми бамбуковыми листьями, а золотыми нитями был вышиден величественный четырёхлапый гигантский питон. На поясе — красный нефритовый пояс, чёрные сапоги обтягивали стройные

икры, бесконечно усиливая преимущества его пропорций, делая его ещё более элегантным и харизматичным.

Красные тени для век растушёвывались вверх, подчёркивая форму глаз-персиковых цветов, уменьшая присущую Гу Цичи мягкую ясность, добавляя несколько демонической странности, свойственной предателю Шэнь Цинье.

«Шэнь Цинье» шёл из бамбуковой рощи вдалеке, бамбуковые листья шелестели, опадая на землю, и были небрежно растоптаны им в пыль. Холодный свет отражался от ослепительно яркого длинного меча на его поясе, падая на прекрасное лицо Гу Цичи, словно кровавый цветок дурмана, распускающийся в холодном отблеске клинка.

Даже кости, казалось, были размягчены и пропитаны кровью.

Дыхание Сун Чжианя внезапно участилось, и не только его — все на съёмочной площадке, увидевшие Гу Цичи, закрывали рты, беззвучно крича.

Даже Линь Шуаньи, ярый поклонник Шэнь Цинье, не мог не воскликнуть: Гу Цичи слишком подходит для этой роли, прямо словно выдернул Шэнь Цинье из книги.

<http://bllate.org/book/17675/1647572>